

**НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ**

**Алексей
МАКЕЕВ**

Ценник
для генерала

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Леонов, Николай Иванович.
Л47 **Ценник для генерала / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва: Эксмо, 2019. — 320 с.**
SBN 978-5-04-107550-7

Отставной российский генерал Владимир Рыбников приехал в белорусский город Пинск на встречу сослуживцев и был убит неизвестными. За несколько дней до этого в Москве со счетов фонда «Ветеран», который возглавлял Рыбников, было снято 800 миллионов рублей. Деньги бесследно исчезли. В Пинск срочно выезжает следственная бригада Интерпола, но по дороге в полном составе погибает в автокатастрофе. Тогда руководство МУРа отправляет в Белоруссию своих лучших сыщиков полковников Гурова и Крячко. Следаки «путешествуют» инкогнито и разными маршрутами. Гуров прибывает в Пинск вовремя, а вот Стас Крячко до места так и не добирается — пропадает без вести...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Макеев А.В., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

SBN 978-5-04-107550-7

Глава 1

Владимир Маркович Рыбников спустился по ступеням, придерживаясь за поручни, машинально кивнул проводнице и проговорил обязательную фразу:

– Спасибо вам. До свидания!

Он смотрел и не узнавал ничего вокруг, вдыхал этот воздух с волнением юноши, пришедшего на первое в своей жизни свидание. Пинск! Белорусское Полесье! Как давно и вместе с тем совсем недавно все это было.

Тридцать лет назад, в далеком 1978 году, Володя сидел здесь в поезд молодым сержантом, дембелем. Полтора года он прослужил в части, расположенной в нескольких десятках километров от города. Теперь Владимир Маркович – генерал-майор в отставке, а волнуется так, как будто его только что высадили из вагона, пришедшего с Украины, где он полгода отбарабанил в учебном центре связи в Павлограде.

Да, вокзала не узнать. Перроны как игрушечные. Над головой навес из поликарбона-

та, под ногами цветная тротуарная плитка. Само здание с большими буквами «ПІНСК» похоже больше не на железнодорожный вокзал, какими Рыбников привык их видеть в других городах, а на три дорогих элитных коттеджа, построенных вплитык друг к другу.

В здании Рыбников задерживаться не стал, а сразу вышел на просторную и какую-то пустую привокзальную площадь.

— Рыба! — тут же раздался голос справа. — Рыба, здорово!

Рыбников обернулся и увидел двух солидных мужчин, спешащих к нему. Оба в обычных летних куртках, один в джинсах, которые на его грузном теле смотрятся не очень-то элегантно. Первый почти совсем лысый, второй с седой шевелюрой и такими же усами. Рыбникову стало несколько неуютно в своем дорогом костюме и галстукe. Вдобавок он их не узнавал. Эти пятидесятилетние мужчины сильно отличались от худощавых молодых парней в выгоревших полинялых хэбэшках и кирзачах.

— Что, не узнаешь? — Лысый дядька довольно засмеялся. — Изменились мы, конечно. А ты вообще аж генералом стал!

И все! По глазам, по знакомой артикуляции он, конечно же, узнал Муху — Сашку Мухина — и Леху Богомазова — Волжанина.

— Здорово, мужики! — как тогда, тридцать лет назад, сказал Рыбников и по очере-

ди крепко обнял бывших сослуживцев. — Да, постарели мы, деваться некуда. Чего же вы современных фотографий на «Однополчанах» не разместили? Я мог и не узнать вас теперешних.

— Узнал же. — Богомазов прошелся пальцем по седым усам. — Так что?.. Поехали?

— А какой маршрут? Вы с Лехой писали, что тут в школе музей нашей части открыли.

— Да, в прошлом году. Только мы тоже на торжество не попали.

— Может, в гостиницу сначала? — спросил Рыбников, кивая на свой чемодан. — Барахло кинуть, а потом уж по местам, так сказать, боевой славы.

— Не-не-не, Рыба, — решительно запротестовал Леха, шуря серые глаза под белесыми ресницами. — Сюрприз тебе будет, генерал. Хороший стол под яблоньками, банька и душистый самогон.

— Чего-чего? — Рыбников остановился. — Стол под яблоньками?

— Конечно. А скажи-ка, ты Олю Синицкую не забыл? Старую любовь?..

— Неудобно как-то, — пробубнил Рыбников и насупился. — Столько лет прошло. Да и расстались тогда не совсем правильно. Мы с ней немного переписывались потом. Она ждала, а я... Да и писать перестал первым. Получается, что поморочил бабе голову и дал деру.

— Ладно, не мудри лишнего. — Мухин, как и прежде, ухмыльнулся, глядя на сослуживца снизу вверх. — Что было, то прошло. Она так рада нам! Это же молодость! У Ольги дочь сейчас старше ее самой в то время. Тридцать лет прошло!

Рыбников смотрел на своих постаревших однополчан. Чтобы согласиться, ему понадобилась всего минута. Но за это время он вспомнил все: свой узел связи, курилку, клуб. По выходным они смотрели там фильмы, а потом вываливали в темноту белорусской ночи и стреляли друг у друга сигареты. Так сладко было после полутора часов фильма сделать несколько затяжек, прежде чем последует команда построиться.

А еще он почти с нежностью вспомнил ту большую сковороду, которая бережно хранилась в радиомастерской. Грибы росли в Беларуси везде и в большом количестве. Не надо было выбираться за колючую проволоку, достаточно просто походить на задах пять минут. На жареху набирали без особого труда. Потом ребята разводили костерок. Кто-то, чаще всего Муха, бежал на кухню с майонезной банкой за подсолнечным маслом, несколькими картофелинами и хлебом.

Картошка, жаренная с грибами, была удивительно вкусной. Конечно, к концу первого года службы солдаты привыкли и к армей-

скому рациону, и к количеству пищи. Никто от голода не страдал, но эта сковорода сблизала, создавала свой маленький дружеский мирок.

К Лехе Богомазову сразу прилепилась кличка Волжанин. Он был широким в кости, светловолосым, с припухшими губами, как будто потрескавшимися от солнца. Парень всегда добродушно улыбался. Он так и виделся Рыбникову в старых штанах, закатанных до колен, в широкополой соломенной шляпе и с удочкой в руках. Откуда взялась в представлениях шляпа, Рыбников долго не понимал, пока не увидел в каком-то фильме образ рыбака с Волги.

Муха, как все звали Сашку Мухина, был его полной противоположностью. Темные волосы удивительным образом росли у него почти от самых бровей. Этот невысокий парень всегда ходил вразвалочку, пилотку или шапку носил набекрень и слыл великим насмешником. Нет, не ехидным и злым, а добродушным и веселым. Он первым начинал хлопать приятелей по плечам и спине, если они обижались на его шутки, да и сам не дул губы, когда становился мишенью для чужих приколов.

Все было: боевое дежурство, наряды по роте, воскресные соревнования по кроссу на лыжах, футбольные встречи с соседним под-

разделением — батареей боевого обеспечения, сокращенно ББО.

Были и девушки. Те из них, которые носили форму, с солдатами дружбы не водили. Они общались с офицерами и прапорщиками, которых солдаты в разговорах между собой часто называли «кусками». Но были и вольнонаемные девушки, жительницы соседних сел.

Оля Синицкая работала продавщицей в магазинчике во втором дивизионе. На той площадке, где размещался штаб полка и подразделения управления, своей бани не было. Поэтому солдаты с узла связи и ББО по субботам ходили через лес в баню второго дивизиона. В тамошнем магазинчике Рыбников и познакомился с Олей.

Теперь ему пришлось соглашаться. Отставному генералу было даже немного приятно, что кто-то все за него подумал, что не нужно принимать решений, можно беззаботно окунуться в воспоминания своей молодости.

Они заехали на улицу Черняховского. Там стояла школа, в которой в прошлом году был открыт музей их части.

Потом шумная компания мужиков, которые в разные годы служили в полку, на арендованной «Газели» отправилась в лес. Туда, где до 1989 года размещалась их часть.

Грунтовые дороги заросли кустарником. Сохранились только те из них, которые соединяли соседние села. Они проехали деревянный магазинчик, знакомый всем еще со времен службы и за эти годы внешне ничем не изменившийся. Потом было посещение развалин на месте первого дивизиона. Вслед за этим «Газель» проехала через мосток, за которым Рыбников со сжавшимся сердцем увидел знакомый синий домик.

— Это потом! — заявил Муха, сидевший за спиной Рыбникова. — Сначала по местам боевой славы. Сюда уже несколько лет в день части, двадцать второго сентября, съезжаются сослуживцы.

Дорога, некогда хорошо накатанная, теперь стала узкой. Рыбников помнил ее. Она плавно изгибалась среди высоченных сосен, соединяя два дивизиона, штаб полка, ангары, где хранились боеголовки.

Богомазов вдруг пихнул его локтем в бок и показал пальцем вперед и влево. Да, именно отсюда они каждый день строем выбегали на утреннюю пробежку. Открывались ворота КПП, и топот кирзачей уносился в сторону второго дивизиона. Потом назад. Вслед за этим зарядка напротив входа в казарму.

— От КПП ничего не осталось, — сказал Рыбников, кивнув в сторону фундамента, разрушенного и поросшего травой.

— Крепись, — Мухин усмехнулся. — Тут почти ничего не осталось.

Они вышли из «Газели» и с замиранием сердца зашагали через траву туда, где виднелся холм бункера командного пункта ракетного полка. Там же сидели радисты и сам сержант Рыбников. От казарм узла связи и ББО не осталось почти ничего, только небольшие холмики среди высоких ровных сосен. В эти самые стволы они когда-то, пока не видит старшина, кидали штык-ножи. Слева две стены. Это все, что осталось от домика, в котором располагались финчасть и строевой отдел. Здания штаба тоже нет.

— Вон, гляди-ка! — заорал вдруг Муха и принялся активно махать обеими руками. — Наши! Кузьмин, Носков!

Рыбников нахмурился. В его памяти сразу всплыл этот давний инцидент. Еще одна группа бывших однополчан выбралась из пустых коридоров заброшенного бункера.

Носкова Рыбников узнал сразу. Тот, казалось, нисколько не изменился за эти тридцать лет. Высокий, смуглый, узкогубый. Прямой тонкий нос создавал впечатление, что с лица этого человека никогда не сходит неприязненное выражение. Две группы медленно сближались.

— Здорово, генерал. — Носков прищурился и протянул руку. — На потрапушки при-

ехал? Ностальгия? — Он сказал это вроде бы и нормальным тоном, с обычной иронией, но намек был ясен.

Рыбников сдержался. Ему очень часто приходилось пропускать мимо ушей вот такие вольности, граничащие с откровенным хамством. Это постоянно происходило при встречах с теми людьми, с которыми Рыбников водил знакомство в далекой молодости, когда он еще не был генералом. Теперь многие из них пытались подчеркнуть панибратские отношения, но делали это нелепо.

— А я ведь тогда, по дембелю, хотел тебя на вокзале отловить и хороших звездюлей тебе отвесить, — продолжил Носков с той же насмешкой в глазах.

— Из-за бабы? — Рыбников вскинул брови.

— Из-за того, что ты меня застучал тогда, когда я в самоходе был.

— Ты сам все придумал и поверил в это, — спокойно ответил Рыбников. — Тебе нужно было отомстить мне за нее, вот ты и стал всем говорить, что я тебя застучал. А на хрена мне это было нужно?

— Да ладно, — Носков вдруг неприятно рассмеялся. — Не переживай. Ты же теперь генерал!

Рыбников, едва сдерживая бешенство, дождался, когда Носков отойдет подальше, потом медленно пошел по пустырю, который

был когда-то плацем. Он стал вспоминать, как они здесь печатали шаг во время строевых занятий. Рыбников стоял вот тут в составе знаменного взвода, когда шла проверка. На трибуне, вон там, в сторонке, красовался заместитель командующего армией, генерал, сын одного из наших прославленных маршалов. Характер у сына, как рассказывали офицеры, был не менее крут, чем у отца.

Какая-то девушка лет двадцати пяти усердно шелкала фотоаппаратом.

«Эта-то особа что тут делает? — подумал Рыбников. — Дочь чья-нибудь?»

Пятница, вторая половина дня. Для Москвы это однозначная пробка, тянущаяся от самого центра в сторону МКАД. Многие пытаются пораньше выбраться из столицы к своим загородным домам, дачам, коттеджам. И часов с трех основные радиальные магистрали уже запружены автомобилями.

Валентина Геннадьевна Остросельцева была женщиной крупной. Поэтому и машину себе три года назад она выбирала соответствующую. Больше всего ей понравилась представительская «Хендай Соната». Валентина Геннадьевна, еще пребывая в раздумьях, в автосалоне села в нее и сразу бесповоротно влюбилась. Ждать пришлось три месяца. Зато

когда покупка наконец-то была оформлена и женщина получила свою машину, ее блаженству не было предела.

Транспорт по Щелковскому шоссе двигался медленно, рывками. Но когда до МКАДа осталась пара километров, машины наконец-то двинулись вперед с нормальной скоростью.

Валентина Геннадьевна вдавила педаль газа. Она с наслаждением чувствовала, как послушен ей мощный мотор. Женщина легким движением руля подправила машину на своей полосе.

Поток автомобилей двигался все быстрее и быстрее. Вот уже стрелка спидометра приблизилась к отметке 80. Последовал плавный поворот, и расстояние между машинами стало увеличиваться. С нарастанием скорости уменьшалась и плотность потока.

Женщина улыбнулась. Ей нравилась скорость, мощная современная машина. Она с удовольствием ощущала свою власть над автомобилем и дорогой.

Справа сбоку вдруг выскочил серый «Форд» и тут же вильнул влево, прямо перед самым бампером машины Остросельцевой. Это маневр был таким неожиданным, столкновение казалось настолько неизбежным, что женщина непроизвольно рванула руль влево. Тормозить в потоке, да еще и на та-